

КОГДА ОЖИВАЕТ ПРОШЛОЕ

ГОВОРЯТ, зимой сорок первого года в Ленинградских загсах было зарегистрировано четыре брака. Если больше, то по неофициальному подсчету. История одного из них рассказана сегодня со сцены Ленинградского театра им. Ленинского комсомола в спектакле И. Герасимова и И. Цонского «Алексей и Ольга» (по повести И. Герасимова «Пять дней отбавки»). Работа посвящена пятидесятилетию комсомола. К этой же дате Театр им. Ленинского показал свою инсценировку повести Павла Нилаина «Жестокость», ставшей уже советской классикой.

Спектакли делались молодыми режиссерами. Первый — Александром Товстоноговым, второй — Геннадием Спирковым под художественным руководством главного режиссера театра И. Валентинова.

ЧЕЛОВЕКУ до всего должно быть дело — правильно это? Разумеется, правильно. Но подумаем и вот о чем: жизни каждого дня предлагаем нам массу поводов для амальгамы, а мы ведь и помимо этого не безобидностью заняты, а серьезно, общественно важным делом, рук-то на все не хватает. И втирающийся как бы защитительная реакция — что-то вы приняв, а зете в себя беззастенчиво, что-то пропустили, зете мимо, заранее решив, зная: не здесь точка приложения ваших душевных сил. Ну, скажите по совести, разве не сработывала в нас такая защитительная реакция, разве не случалась экономить себя? Как определяли эту самую «границу амальгамы», насколько правдиво правомерно, допустима она? Вопросы, на которые не даешь однозначного и простого ответа. Но тем не менее они постоянно, изо дня в день встают перед нами, и всякий раз надо решать их для себя самому, сообразуясь со своей совестью и своими убеждениями.

И живут среди нас люди, которые экономят себе несчастья. Спектакли «Жестокости» и «Алексей и Ольга» — именно о них. О людях, которые всякую несправедливость, всякую беду воспринимают как несправедливо, впрямую их касаются. И любовь разрыв между идеалом и копровой жизненной практикой отбывает в них драматически.

Такие люди вбрасывают в себя, концентрируют все самое смелое и передовое, чем живет их поколение. Они всегда были и есть. И всегда будут, на какие бы нрав-

ственные высоты ни поднималось человечество. Ибо они — неизменно чуть-чуть впереди уже отставшего, как вечно берущие душу напролом. Это идеал не возмывается намятиком, знаменуя собой завершение пути. И что тем, кто ближе к идеалу, всегда труднее.

РОТУ, которая носила под Ленинградом, а от которой остались четыре человека, отправил в город на перформирование в отдах. А в городе умирают от голода люди, каждый день много людей, и эти черны, дрались за город на фронте, здесь ничего не в силах поделать, ибо сама получают тот минимум, которого едва хватает, чтобы через пять дней вновь оказаться в силах рыть окопы, стрелять, бросать гранаты. Они и сосредоточены на том, что им предстоит и потому сейчас как бы несколько отрешены от ежедневных, ежедневных блокадных драм. И только один из них, Лева Казанцев, друг подумал, что девушка, мелким чудесным из за воротами казармы, укрет, если он, Лева, не поможет ей отвлечь, обрести веру в возможность выжить. И мысль эта уже не оставалась его, не давала покоя. И он отдал девушке свою пайку хлеба, приглашает в театр оперетты, назло всем смертям работавший в осажденном городе, уверяя, что у нее хватит сил дойти. А потом, быть может, неожиданно для себя, ведет ее в загс, и совершается один из тех четырех или, может, пяти блокадных браков. Любовь, самоотверженного желания спасти человека — чего было больше? Лева Казанцев просто не был способен тогда заставить себе такие вопросы...

А Венька Малышев, молодой рабочий угрозыски из «Жестокости», на трепе реальной профессиональной удачи (пойман наконец матерый бандит, «император всея тайги» Костя Воронцов), не может смириться с тем, что начальник все заслужил хочет приписать уголовное розыску и вывести в расход не только Воронцова, но и Лазаря Баукина, таежного мужика, волею скорейшей судьбы приключившего к бандитам. Того самого Лазаря, а которого Венька влазил столько душ и который, поверни Венька, по существу, сам, без помощи угрозыска, а с таким же, как он, мужиками взял бандитского атамана.

И не то, чтобы у Малышева не было од-

номышленников, понимающих, что никак нельзя ставить Баукина и Воронцова на одну доску. Нет, просто обо всем этом они еще не задумались так тревожно и глубоко, как Венька. Конечно, начальник неправ, и жалко Лазаря, по делу-то проверяли какое, в таком деле да без издержек! Представления же Венькины Малышева из 23 года никак, ни при каких обстоятельствах, непримиримо и остро не согласуются с тем, что рыл большую и частую дыру можно предать доверившегося тебе человека. Венька не в силах был принять такие издержки — в минуту душевного разлада поднес пистолет к виску.

Нельзя снимать с Малышева ответственность за непорочную слабость, но нужно помнить, что бремя этой ответственности ложится отнюдь не на него одного. Театр наследовал Павлом Нилаином во весь голос находит виновников: начальник угрозыска, напавший с ним общий язык демарш и фризер журналист Узелков — люди, допускающие, что революция совместима с вероисповеданием, ложью, считавшие возможным держаться так, точно они «забывающие всей Советской мыслью». Но звучит в спектакле и другая мысль, требовательная, жесткая, прежде, быть может, не столь истинно прочитанная нами в «Жестокости». Начальник и Узелков сами по себе ничего не могли бы сделать. Гибель Малышева прежде всего на совести его друзей, тех, кто, будучи на его стороне, не смог вовремя, решительно и действительно вмешаться в сложный, запутанный ход событий.

Героя в обоих спектаклях зыгты на пределе душевного напряжения. Чтобы доказать, как высок этот предел. Чтобы предупредить: и он тоже не бесконечен.

Здесь, например, заключен главный нравственный урок «Жестокости» и «Алексей и Ольга» на ленинградских сценах. Быть лучшим из лучших дано не каждому. Но каждый несет ответственность за то дело, которое и в самом былом, и в самом малом стало жизнью, правдой, судьбой лучших из лучших. И за то, как им живется в земле, Лева Казанцев и Венька Малышев: да, они не умеют беречь себя, но окружающие должны были распознать и беречь их. И за то, чтобы они были поняты, как в конце концов был повят товарищами Лева Казанцев. Чтобы в ретроспективу минут ощущал себя, как Венька, трагически оди-

ночки. Ведь понимая того, кто вынужден, сам при этом поднимается на павуку. Более высокую ступень духовного развития. Именно же все равно прилет, молва, чтобы оказалась она знающей, когда ничто ни поправил ни только живет в душе мучительный упрек, обращенный к самому себе: а никак, что тому, первому, была павука. И если что-то, сражался за правду, справедливость, чистоту человеческих отношений, взял на себя больше других, это не значит, что он уменьшил твою долю ответственности и твою долю работы. Это означает только то, что он не оставил тебе иного честного выхода, кроме как принять участие в том же сражении и сделать все, что в твоих силах.

НАД спектаклями, папомню, работали молодые режиссеры, а, вероятно, это помогло им найти непривычную интонацию, близкую к нужной молодежной аудитории. Но интонация сама собой не возникает, и здесь, говоря «молодые режиссеры», я хотел бы сделать упор на втором слове. Появление нового имени в режиссуре — событие не частое, а Г. Спирков (которого умно я тактично направлял «главными») и А. Товстоногов заявили о себе как достойные, талантливые и умелые представители этой профессии. Их контакт с актерами безусловен. В особенности улакс центральные характеры — Венька (А. Дятлов), Алексей (В. Яковлев), Ольга (З. Зиганкина). Их спектакли — сделаны, в лучшем смысле этого слова. В наиболее интересных своих сценах спектакли эти не иллюстрированы по отношению к первоисточникам, и их отсылаются решения, соответствующие атмосфере, духу литературных произведений, но возможные только в театре, и никак более.

Фигля «Алексей и Ольга», Ушел отряд, в девушку осталась одна на огромной пустой сцене. Ольга — и только сверху над ней провинции, горизонты, заходящие пролода. (Те, кто пережил войну в Ленинграде, говорят, что именно такие мертвые, молчаливые пролода остались для них одним из самых произвольных воспоминаний тех лет. Спелыйский образ блокады — вот что являлось здесь художник Д. Афанасьев). Вырывается Алексей, отпросивший еще минуту, поминутку побыть с той, что час назад стала его женой. Они стоят, обнявшись, и вдруг в глубине сцены всхликает победа-

ный слонот, а двое смотрят пристально в зримый вид. Во згзгзг их — счастье, радость победы. И тревога за будущее, их личное будущее — ведь знали друг друга всего несколько дней, как-то сложились жизни. И дума о нас — сумеем ли удержаться на тех высотах духа, которые были нами людьми в блокадные тоды. И уверенность: да, сумеем удержаться...

Или поминка Воронцова в «Жестокости». Условно пространство, ограниченное двумя гаухими стенами, что сходится углом в глубине сцены (художник — выпускница Ленинградского института театра, музыки и кинематографии И. Бирюл). Друг против друга — Баукин и Воронцов, медленно сближаясь, обмениваясь замия, прощупываясь репликами. Воронцов бьет первым, замыкается драка, жестокая, упорная, до конца. Неожиданно в стенах приоткрываются две низкие двери, тихо появляются мужики и внимательно, напряженно наблюдают за асрующимися. Пала кто-то начинает одолевает, мужики делают чуть удаливое движение — и снова сближаются, как только оказываются, что драка все еще идет на равных. Но вот Лазарь со всего маху кидает Воронцова на пол, тот остается лежать неподвижно, а Лазарь глухо роняет: «все». И тут мужики сразу устремляются к Воронцову, связывают «императора».

А okazив авторы спектакля людьми, не надевшими столь бесшумным чувством сцены, — что было бы очевидно, были бы обширные «диалоги» и авторский текст — о том, как растеряны, не уверены в себе мужики, аща вчера медива за Костей, сегодня разочаровавшиеся в нем, но не нашедшие пока новой опоры, колеблемые, кидные то, что основательно и надежно. И подробно, со множеством театральных хитростей зтизды представления... Конечно, есть в «Жестокости» и моменты спорные. Но только вот — ило ли видели мы театральных представлений, где все вроде бы буквально, как у автора, и спорить не с чем, а одновременно и решительно не то, и никак не гоится.

ЖЕСТОКОСТЬ — работа цельная, зрелая, спектакль «Алексей и Ольга» этой цельности не хватает, здесь можно предельно больше профессиональных претензий. Но сейчас речь не об этом. В обращении ленинградских театров к героической истории страны радуют серьезность, тугость и бережность. Радует умение увидеть в ней живой источник духовной энергии, то, что сегодня, сейчас помогает каждому из нас выполнять свои обязанности человека.

К. ЦЕРБАНОВ.

Комсомолец сная чрз везя, Москва, 1968, 5 ден.